

Май – месяц рождения удивительного русского литературного критика, публициста и мыслителя Василия Розанова. Фигура его настолько оригинальна для России, что трудно вообразить в контексте нашего традиционного интеллектуализма, приверженного православной философской догматике. Подавляющее число русских авторов чувствительно или нечувствительно для себя обнаруживаются в догматическом плену. Отрядное явление разве что Ф.М. Достоевский с его непредставимой свободой мысли и младший современник великого писателя – Розанов. Этим двум гениям открывались невероятные прозрения, позволявшие по-новому взглянуть на основы национального и мирового бытия. Кстати, Ф.Ницше, радикальный пересмотрщик системы мировых ценностей, учителем своим считал Достоевского; а Розанов за оригинальнейший взгляд, переворачивающий во многом представления о привычном мире, называли «русским Ницше». Названная великая тройка мыслителей призвала, образно говоря, к «философии молотом», то есть учила посылать свободную познающую мысль за всякие мировоззренческие идеологические препоны ради обретения полноты истины. Предлагаемая статья псковского культуролога и историка Светланы Телегиной не рассматривает личность и творчество В.В. Розанова с точки зрения его философской революционности. Но современному читателю, которому бы пригодилась санация индивидуального сознания, будет полезно и вполне традиционное представление русского гения в свете мировоззренческого хаоса последних десятилетий.

Василий Васильевич Розанов – уникальное явление русской литературы и русской мысли. В конце 19-го – начале 20-го веков о нем говорила вся читающая Россия, без его голоса не обходился ни один религиозно-философский спор, его мнению, его позиции интересовалась вся «умственно чуткая русская элита».

Никого из русских писателей серебряного века при жизни не называли столько раз гением, сколько называли Розанова... Но никто из его современников не получал и столько же упреков, непонимания, издевательства, брани. Ему давали изощрённые прозвища: «Порфирий

«Что такое "писатель"? Брошенные дети, забытая жена, и тщеславие, тщеславие... Интересная фигура».

Головлёв», «инквизиторствующий кликуша», «Смердяков», «двурушник». Его вызывали на дуэль. Но, как справедливо пишет исследователь Розанова, наш современник В.Сукач: «...если его противники выступали против него с "дубинками", то он строчил по ним из пулемёта, перед его лицом лицемеры погибали, простaki сокрушались, враги – зеленили от невозможности сокрушить его».

В своей уникальной книге «Уединённое» Розанов сказал о себе: «Странник, вечный странник и вездь только странник... <...> Страшное одиночество за всю жизнь». Одиночество для него не только боль, – но и «музыка в душе». «Секрет писательства заключается в вечной и невольной музыке в душе», – говорил он.

А понять «музыку души» этого сотканного из противоречий человека непросто. Он малоодушен (по образному выражению современного исследователя). К Василию Васильевичу нужно поприглядеть. Очень точно подметил особенность розановских книг В.А. Фатеев, автор замечательно-глубокой книги о писателе, в которой он подчеркивает: «Розанов не желает читать «как всех читают». Он говорит намёками, парадоксами. Кто не почувствует стилия его, тот ничего в его книгах не поймёт и не оценит». Сам Василий Васильевич говорил: «Стиль есть то, куда поцеловал Бог вещь». Вот как, например, говорил о розановском стиле современник Василия Васильевича критик Волжский (Глинка А.С.): «...это какая-то славянская вязь, запутанная, сложная в своей прихотливой изогнутости и по-своему красивая...»

Современники зачитывались книгами Розанова. Проницательность смысла и слова, живая интонация писателя особенно привлекала молодых читателей. Марина Цветаева писала Василию Васильевичу: «Я ничего не читала из Ваших книг, кроме «Уединённого», но смело скажу, что Вы – гениальны».

Василий Розанов – философ-эссеист, создатель новой литературной формы: вместо вымышленного сюжета – личность самого автора, его душа в свете вечных проблем. Это жанр короткой поэтической миниатюры, философского афоризма. Особенность стилия и в том, что автор разрушил барьер между читателем и писателем.

Он обращался к каждому человеку в отдельности, и поэтому чтение его книг для мыслящей личности удивительно благотворно. Отличительная черта стилия философа – в удивительном, тонком и изысканном чувстве юмора. Прочитав две-три страницы, непременно улыбнётся, иногда сквозь слёзы...

В людях Розанов ценил больше всего душевность и доброту: «Какого бы влияния я хотел писательством? Унежить душу. А "убеждения"? Ровно наплевать».

Он называл свою биографию «странной, ключей, но довольно любопытной».

Родился Василий Васильевич Розанов 2 мая (по новому стилю) 1856 года в городе Ветлуга Костромской губернии в бедной семье. Отец был чиновником (происходил из священнического сословия), мать – из обедневших дворян (род Пшикинских).

Отец умер, когда будущему философу было пять лет. Вскоре тяжело заболела и умерла мать, и он рос под опекой старшего брата Николая Васильевича.

Отличительная особенность детства – духовная отчужденность от окружающих.

«К чертам моего детства принадлежит: поглощённость воображением. Но это не фантастика, а задумчивость. Мне кажется, такого "задумчивого мальчика" никогда не было. Я вечно думал... Но мечты были ни глупы, ни пусты...»

А мечты были стать писателем или мыслителем «и непременно для России написать великие, вечные вещи».

Естественным следствием этих мечтаний явилось поступление Розанова в 1878 году в Московский университет на историко-филологический факультет. В годы студенчества в жизни Василия Васильевича произошло два важных события: одно внутреннее, духовное, другое внешнее, назвавшееся драматическим отпечатком на всю его дальнейшую жизнь.

В университете у Розанова пробудилось религиозное чувство: «...открыл Библию и зачитавшись... понял, почему это боговдохновенно <...> Я стал религиозным, тогда как раньше только "скачал" (гимназическим) атеизмом", не зная, куда его девать».

его всю жизнь мучили вечные вопросы, от Бога он никогда не отходил, но при ярком уме, чутком сердце, семейной драме упрекал церковь в равнодушии к реальной жизни. Особенность розановской критики церкви в том, что Василий Васильевич писал не с позиции атеиста, для которого в христианстве всё чуждо, а как душа, жаждущая истины и веры.

«Я мог бы отказаться от даров, от литературы, от будущности своего "я", от славы или известности – слишком мог бы; От счастья, от благополучия... не знаю. Но от Бога я никогда не мог бы отказаться. Бог есть самое "тёплое" для меня. С Богом мне "всего теплее"... В конце концов, Бог – моя жизнь».

Душе Розанова были знакомы сомнения, и сомнения глубокие, болезненные, говоря церковным языком, душа роптала, но спасает его то, что с христианством связано самое дорогое в жизни. Розанов не прекращал христианских молитвы и в самые тяжёлые времена отхода от христианства, а плакать (в смысле страдать) ему пришлось немало, и во многом причиной страданий стала женщина, к которой очень точно подходит определение «роковая».

Встреча с Аполлинарисом Прокофьевной Сусловой (1840-1918) стала вторым важным событием в годы учёбы в университете. Эта женщина

томов носит название «О писательстве и писателях». Но это только часть из наследия Розанова, посвящённого русским и зарубежным писателям, философам. В плане своего собрания сочинений теме этой он отдал шесть томов (21-26).

Невозможно преодолеть наше «однопольное мышление», сформированное в советских школах и университетах и осмыслить литературный процесс в России 19-20 веков без работ Розанова. Василий Васильевич – выдающийся мастер литературно-психологического портрета. Его критические статьи написаны эмоционально, ярко, с присущей ему субъективностью, дерзостью и глубиной оценок.

К таким характеристикам классиков, прочно упакованным в наше сознание в штампы школьных программ нам не привыкли. Они не бесспорны, иногда шокируют, но, главное, заставляют задуматься.

О русской литературе: «От декабристов до нас литературу русскую определяют "пакистичеством". Очень талантливым, временами гениальным. Но – пакистичеством. Перья были золотые. Но они обмакивались в какую-то зловонную гушу пакистичества и идей. Пушкин, Лермонтов и Кольцов (и ещё очень немногие) отошли в сторону. Они и перейдут в следующий "серебряный век" русской литературы. Да, вот где зло и рок русских и России, что гениальный по силам период русской литературы и был употреблён просто на пакист. Страшно думать...»

На упрек, что он отрицает признанную русскую классику, Василий Васильевич ответил: «Я отрицаю, собственно, не очень много: Кантемира, Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, вторую половину Толстого и всех писателей 60-х с "судебной реформой". Что же я отрицаю, собственно? Непонимание России и отрицание России».

О Гоголе: «Дьявол вдруг помешал палочкой дно: и со дна пошли токи мути, болотных пузырьков... Это пришёл Гоголь <...> все русские прошли через Гоголя. Каждый отсмеялся свой час... от души посмеялся над этим своим отечеством, над Русью-то... Ну и Русь! Ну и люди! Не люди, а свиные рыла...»

Не умаляя таланта Н.В. Гоголя, Розанов упрекает его в том, что он воспевал отрицательные стороны русской жизни, и приходит к выводу,

ста, ни России в его сочинениях нет. Как будто никогда не был в России... И как будто он никогда не был крещён...»

Розанов имел удивительную способность в двух словах схватить творческую суть мыслителя, его отличительную особенность. «Перечитал свою статью о Леонтьеве. Не нравится... Говоря о другом и притом любимом человеке, я должен был говорить о нём, не прибавляя "и себя"... Но я как вдова, которая "всё-таки посмотрелась в зеркало", बोже, сохрани во мне это писательское целомудрие: не смотрюсь в зеркало. Писатели значительные от ничтожных почти только этим отличаются: смотрятся в зеркало, – не смотря в зеркало, Леонтьев не имел силы отстранить это зеркало, Леонтьев не видел его».

Размышления о русской литературе у Розанова постоянно соседствуют с размышлениями о судьбе России и ответственности писателей за её судьбу. К отцам русского нигилизма он относит Белинского, Гоголя, Грибоедова, Герцена, достаётся даже Пушкину. Вне критики для Розанова в вопросах нигилизма только Лермонтов и

Розанов, 2012: Возвращение вечные вопросы русского мыслителя

была предметом самой сильной страсти Ф.М. Достоевского (прототип Полины, «Игрок»). Своенравная, бескомпромиссная и всё ещё красивая дама, старше Розанова почти на 20 лет. Вот как пишет сам он об их первой встрече: «С Сусловой я первый раз встретился в доме моей ученицы... (мне 17 лет... Сусловой – 37): вся в чёрном, без воротничков и рукавичек (траур по брату) со "следами белой" замечательной красоты. Взглядом "опытной кокетки" она поняла, что "ушибла" меня – говорила холодно, спокойно. И, словом, вся – "Екатерина Медичи" <...> Говоря вообще <Суслова> действительно была великодушна... Ещё такой русской я не видел. Она была по стилю души совершенно русская, а если русская, то раскольница бы "поморского согласия" или, ещё лучше – "хлыстовская богородица"».

Розанов женился на Сусловой на третьем курсе университета. После окончания университета (1882) с женой уехал в Брянск, преподавал в гимназии. Работал в Ельце и в Смоленской губернии (г. Белья). Суслова, быстро охладев к нему, сбегала; он просил вернуться, она отказала грубо и насмешливо. Но когда Василий Васильевич решил жениться во второй раз, Суслова не согласилась на развод, что создало для Розанова много проблем.

Несмотря на это печальное обстоятельство, Василий Васильевич был счастлив вторым браком (с тайным венчанием с Варварой Дмитриевной Рудневой (Бутягиной)). Варвара Дмитриевна на протяжении всей их совместной жизни была земным ангелом-хранителем философа, и он посвятил ей в своих интимных книгах немало нежных, тёплых строк («о друге», «о мамочке»). «Двадцать лет я живу в непрерывной поэзии... И оттого счастлив. И даже от этого хорошо пишу...»

В начале 90-х годов, благодаря протекции К.Леонтьева и Н.Страхова, Розанов начинает печататься в столичных журналах и вскоре (1893) переезжает в Петербург, где полностью отдаётся

«Я ещё не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет: и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй "по морали". Нет, я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славенькая, гуляй, добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдёшь к Богу. Ибо жизнь моя есть день мой, и он имени мой день, а не Сократа или Спинозы».

литературной деятельности (в основном писал для газеты «Новое время» под редакцией А.С. Суворина).

Василий Васильевич Розанов оставил нам огромное наследие, насчитывающее более 90 томов. Но советский читатель даже с университетским образованием не знал его книг. Имя Розанова было вычеркнуто из истории русской литературы и философии на семьдесят лет.

И вот, наконец, после долгого забвения русский мыслитель возвращается к русскому читателю. В 2010 году завершено издание 30-томного собрания сочинений В.В. Розанова (с комментариями и указателями). В нём нет привычного нам нумерации томов, каждый том включает работы философа, объединённые определённой темой (так хотел сам Василий Васильевич). Один из

что гений Гоголя – разрушающий гений («отсутствие родников жизни – всё умерло», «...гений формы – и никакого содержания»).

«И весь Гоголь, весь, кроме "Тараса Бульбы" и вообще малороссийских вещей – есть пошлость в смысле постижения, в смысле содержания. И гений по форме, по тому "как" сказано и рассказано. Он хотел выставить "пошлость пошлого человека". Положим. Хотя очень странная тема. Как не заняться чем-нибудь интересным... Но его заняла, и на долгие годы заняла, на всю зрелую жизнь, одна пошлость. Удивительное признание». Русское общество не приняло такую оценку Гоголя и обрушило на Розанова град упреков. Лишь очень немногие поняли глубоко Розанова. Знаменитый уже тогда философ К.Леонтьев написал Василию Васильевичу: «Чрезвычайно ценю Ваши смелые и оригинальные укоры Гоголю: это великое начинание. Он был очень вреден, хотя и непреднамеренно...»

О Салтыкове-Щедрине: «Как матерый волк, он наелся русской крови и сытый отвалился в могилу <...> Этот ругающийся вице-губернатор – отвратительное явление <...> Щедрин около Гоголя как конюх около Александра Македонского».

О Достоевском и Толстом: «Толстой удивляет. Достоевский трогает <...> Каждое произведение Толстого есть здание. Что бы ни писал... – он строит... И во всём этом нет стрелы (в сущности, нет сердца). А Достоевский – всадник в пустыне, с одним колчаном стрел. И капает кровь, куда попадает стрела...»

О Достоевском: «...русского (с "походочкой", и мерзавца, и ангела) написал впервые Достоевский <...> Он писал вообще русскую душу, и русский, оставаясь собою не может остаться вне Достоевского... Это наш табар. Это русские перед светопредставлением. Дрожат, корёжатся, молятся. Сквернословят. Это – наши».

О Пушкине: «Пушкин – это покой, ясность и уравновешенность... Заметьте: ничего язвительного на протяжении всех его томов. Это – прямо чудо! А как он негодовал! Но ядом не облил ни одну свою страницу...»

О Лескове: «...и сколько тут русской жизни и русской сути сравнительно с орхидеями Тургенева. Орхидеи пахнут. А наша черёмуха будет вечно пахуча...»

О Лермонтове: «Весь этот "вещий томик" – словно золотое наше Евангелие: – Евангелие русской литературы... Всё это гораздо неизмеримо могущественнее и прекраснее, чем начало Пушкина... и далее (я чувствую как накинутся на меня за эти слова, но я так думаю) это впечатлительнее и значащее, нежели сказанное Пушкиным и в зримых годах... Это красота и глубина, заливающая Пушкина <...> Ах, и "державный" же это был поэт! Какой тон... Как у Лермонтова – такого тона ещё не было ни у кого в русской литературе. Вышел – и владеет. Сказал – и повинуются <...> И в пророческом сне я скажу, что мы потеряли "спасение России"... И найдём ли – неведомо <...> Час смерти Лермонтова – сиротство России...»

О Мережковском: «...Он, мне кажется, родился в скляночке с одеколоном <...> Он вечно говорит о России и о Христе. Все темы. И странным образом ни Хри-

стославский. Непримири философа более всего к революционно-демократической литературе:

О Белинском: «Белинский – основатель мальчишества на Руси. Торжествующий мальчишество... После Белинского в русской литературе установилось "веселое" ... Пока не стало несколько скучно... – Где же мудрость? Вздрогнули все... В самом деле, где мудрость?»

О Герцене: «Базар. Целый базар в одном человеке. Вот Герцен... Душа его была совершенно без музыки. Он был весь шум, гам. Но без нот, без темпов и мелодии. [Он] напустил целую реку фраз в России, воображая, что это политика и история. Именно он есть основатель политического пустозонства в России».

Все книги Василия Васильевича Розанова – это вздох о русском человеке и вздох о России. У него множество интереснейших размышлений о русской душе, о русском характере: «...русский с бесчисленными задоринками в душе, может быть хорошим, но часто также и скверным; что-то неясное, тёмное есть в нём <...> В сущности нет более острой, наркотической, артистической нации, чем русские...»

И сегодня злободневны такие слова Розанова: «У нас нет своего мечты своей родины... У греков есть она. Была у римлян, у евреев есть. У француза – "дорогая Франция", у англичан – "старая Англия". У немцев – "наш старый Фриц". Только у прошедшего русскую гимназию и университет – "проклятая Россия". У нас слово "отечество" узнаётся одновременно со словом "проклятие"... И все жалят Россию...»

Размышления Розанова о России часто печальны: «Дана нам красота невиданная. И богатство неслыханное. Это – Россия. Но глупые дети всё растрастили. Это – русские».

Однако критика Розанова русских и России – это критика «своего», «родного» и за этой руганью чувствуется горячая, «великая молчаливая любовь» к Родине. И как завещание нам, его потомкам, звучат пророческие слова великого мыслителя: «Счастливию и великую родину любить невелика вещь. Мы её должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно, когда наша "мать" пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от неё... Но и это ещё не последнее: когда она, наконец, умрёт и <...> будет являть одни кости – тот будет "русский", кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми полюбому. Так да будет...»

По Розанову, лучшие качества в русском народе развиты православием: «Кто любит народ

«У русских нет сознания своих предков и нет сознания своего потомства. "Духовная нация"... "Во плоти чуть-чуть"... От этого – наш нигилизм. "до нас ничего важного не было". И нигилизм наш постоянно радикален: мы построим всё сначала».

русский – не может не любить церкви. Потому что народ и его церковь – одно. И только у русских это – одно». Он предупреждал, что церковь и её клир не должны оставаться в стороне от мира, иначе мир погрязнет в разврате и хулиганстве. Что мы и видим сегодня; мощная волна нигилизма, духовное обнищание молодёжи, но

если во времена Писарева нигилизм был с идеями, то сейчас он выродился в гедонизм, где главное – наслаждение жизнью.

«Человека достойный памятник только один – земляная могила и деревянный крест. Золотой же памятник можно поставить только над собакою».

Многие «розановы» книги – это не только мудрая, но и изысканная словесность. В первую очередь это «Уединённое» (1912), книга, которую он ставил выше всего им написанного. Это краткие записи тончайших мимолетных движений души. Начинать знакомство с Розановым лучше всего именно с «Уединённого»:

«Хотел бы я посмертной славы (которую чувствую, что заслужил)? В душе моей много лет стоит какая-то непрерывная боль, которая заглушает желание славы. Боль эта – я чувствую – усилилась бы, если бы была слава. Поэтому я её не хочу...»

«...Я входил в дверь, где было "жалко" или где было "благодарно"... По этим двум мотивам, всё же я думаю, что я был добрый человек: и Бог за это многое мне простит».

«Я задыхаюсь от мысли. И как мне приятно жить в таком задыхании. Вот отчего жизнь моя сквозит тернии и слёзы есть всё-таки наслаждение».

Редкие книги из «старых» так созвучны нашему времени, так злободневны, как «Уединённое» и «Опавшие листья»:

«В тот час, когда мы выскочим в Berlinus-alter (другой Берлин), смерть постучится к нам в дверь. Смерть и позор, смешное. Ибо ничего нет смешнее, как что "Россия стала Берлином».

«В революции – ничего для мечты. И вот может оттого, что в ней – ничего для мечты, она не удаётся <...> И «новое здание», с чертами ослиного в себе, повалится в третьем-четвёртом поколении».

Либеральная, а потом большевистская, пресса обрушивалась на Розанова со всей беспощадностью. В 1914 году его исключают из Религиозно-философского общества, руководил которым Д.М. Мережковский. Книги его в магазинах бойкотировались, не принимали статьи в газеты и журналы. Некто Дерман из газеты «Заветы» злобно писал, что «...стоит только вынуть Розанова из истории литературы, и никто не заметит...»

В это трудное для Розанова время не отвернулся от него только друг, философ и священник Павел Флоренский, к которому он уехал в Сергиев Посад, где и скончался 5 февраля (по новому стилю) 1919 года в нищете и забвении.

Смерть Розанова трагична, но прекрасна. В последние дни он находился в состоянии христианской любви и всепрощения. Он обратился с письмом к писателям, призывая их забыть распри. Исповедался и причастился. От мощей преподобного Сергия о. Павел Флоренский принёс плат и накрыл им своего друга. Дочь философа Т.В. Розанова вспоминала: «Отходил он тихо, без метаний и стонов... Когда читали над ним отходную молитву, <он> трижды спокойно вздохнул, по лицу разлилась удивительная улыбка, какое-то прямо сияние, и он испустил дух...»

Похоронили его рядом с К.Леонтьевым, как завещал сам Василий Васильевич...

Большевистская власть и печать приняла эстафету от либералов, и после смерти философа Лев Троцкий написал: «Розанов был заводом дрянной, трусом, приживальщиком, подлалпой...» Воистину площадной бранью сопровождали уход великого мыслителя России. Могила его в Сергиевом Посаде на кладбище Черниговского скита была уничтожена, крест на могиле сожжён. Корпуса скита населены преступниками и проститутками (исправительный дом им. Каляева). Философ это предчувствовал, когда с горечью пророчески писал в 1915 году: «...кости Розанова, конечно же будут выброшены вон. Разве они нужны России?»

По выражению критика 20-х годов (П.К. Губера), «сочинения Розанова могут служить лишь утешой литературным гурманам...»

Одну из глав в последней, самой мрачной и самой спорной, книги великого мыслителя «Апокалипсис нашего времени», которую он написал смертельно больным в 1918 году, Розанов назвал «Рассыпанное царство», где старается понять и объяснить тот кошмар, который творился в России: «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три. Даже "Новое время" нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь... Подобного потрясения никогда не бывало, не исключая «Великого переселения народов <...> Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно "в банно сходили и окатились новой водой". Это совершенно точно, это действительно, а не дикий кошмар <...> Собственно, отчего мы умираем...? Нет, в самом деле, – как выразить в одном слове, собрать в одну точку? Мы умираем от единственной и основательной причины: неуважения себя. Мы, собственно, самоубиваемся... Это и есть нигилизм, – имя, которым давно окрестил себя русский человек, или, вернее, – имя, в которое он раскрастился...»

Но самое последнее слово в этой мрачной книге всё-таки светлое – маленькая глава, которую он назвал «Совет юношеству» и закончил такими словами:

«Помни, жизнь есть дом. А дом должен быть тёпел, удобен и кругл. Работай над "крутым домом", и Бог тебя не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьёт гнездо».

Символично, что первый и единственный в России музей философа с мировым именем (в Сергиевом Посаде) пришло в голову организовать в 1992 году молодым людям, московским студентам. Один из них Григорий Вильховченко – наследник владельца дома. Узнав понаслышке, что здесь жил, он заинтересовался судьбой и творчеством В.В. Розанова и настолько был потрясён, что решение принял: безвозмездно передать комнаты под музей...

Лучшие книги Василия Васильевича Розанова (такие, как «Уединённое», «Опавшие листья») – это своеобразная прививка от печального и кинематографического мусора, телевизионной пошлости и безвкусицы. Великий мыслитель поможет не только оглянуться на прошлое, но понять настоящее и взглянуть в будущее. И поэтому для каждого умственно чуткого человека так важно сегодня не пройти мимо Василия Васильевича, читать в это самое самобытное, с «вздыбленной совестью», странного, но такого современного философа, возвращения которого так долго ждала мыслящая Россия.

Светлана ТЕЛЕГИНА